

Дело Бейлиса, или «Кровавый навет» против еврейского народа (Часть 2)

Читайте первую часть статьи тут: <https://goo.gl/6Dsg87>

Судебное разбирательство

«Что же в том, что я рос среди вас, учился в вашей школе, учился по вашим книгам, имел друзьями вас, христиан, имел вас, русских, своими друзьями? Я жил вашими болями, вашей скорбью, вашими страданиями. А вот видите, ударил страшный час, **раздались слова кровавого навета и мы разъединены и стоим врагами друг против друга..** Дело Ваше, верить мне или не верить, но если бы я хоть одну минуту не только знал, а думал бы, что еврейское учение позволяет, поощряет употребление человеческой крови, я бы больше не оставался в этой религии».
(Осип Грузенберг)

Встать! Суд идет!

22 июня **1911** г. Менахем-Мендель Бейлис был арестован и препровожден в тюрьму. 25 октября **1913** года (**через два года и четыре месяца тюремного заключения Бейлиса**) начался суд, и, окруженный охранниками подсудимый Менахем-Мендель Бейлис предстал перед судьями на процессе, который многие журналисты и репортеры называли «процессом века». Уже к моменту начала заседаний накал страстей в обществе достиг апогея.

Председателем суда назначили уже и раньше демонстрировавшего благонадежность Ф. Болдырева. Обвинение представлял товарищ прокурора Петербургской судебной палаты О. Виппер. Поверенными гражданских истцов стали **известные антисемиты** А. Шмаков и Г. Замысловский.

Первый (А. Шмаков) уже не раз выступал на судебных процессах, связанных с антисемитскими обвинениями, многие считали его знатоком «тайн иудейских» и горячим разоблачителем жидо-

масонского заговора; ненавистник евреев А.Шмаков украсил свое знаменитое исследование фотографиями еврейских носов.

Второй, (Г. Замысловский) выделялся **зоологическим антисемитизмом** и способностью страстно говорить на эту тему часами.

Особое внимание было проявлено подбору присяжных заседателей.

Хотя Киев был университетским городом, с населением, имевшим относительно высокий образовательный и культурный уровень, но в состав присяжных заседателей, как будто специально пригласили семь крестьян, трех мещан и двух мелких чиновников. Старшина присяжных был переписчиком из контрольной палаты.

Защиту М. Бейлиса взяли на себя виднейшие представители российской либеральной адвокатуры:

О. Грузенберг, Д. Григорович-Барский, Н. Карабчевский, А. Зарудный и В. Маклаков. Последние три (Н. Карабчевский, Д. Григорович-Барский и А. Зарудный) были знаменитыми адвокатами по уголовным и уголовно-политическим делам, а также у них за плечами был опыт в отстаивании прав национальных меньшинств. Адвокат Осип Грузенберг уже не раз выступал в защиту евреев, соплеменников.

«Я не узнал свой голос»

Судебное разбирательство началось с того, что судья допросил г-на Бейлиса:

— *Как вас зовут?*

— *Менахем Мендель Тевье Бейлис.*

— *Сколько Вам лет?*

— *Тридцать девять.*

— *Сколько у вас детей?*

— *Пять.*

— *Ваше место постоянного проживания?*

— *Киев.*

— *Вы еврей?*

— *Да, еврей!*

Отвечая на последний вопрос, Бейлис не узнал своего голоса.

Он почти прокричал эти слова «Да, еврей!»

Так он впоследствии отметит в своей автобиографии: «Я не узнал свой голос, когда я ответил».

Судебное разбирательство было очень утомительным для обвиняемого Бейлиса, который неоднократно плакал во время дачи показаний. Его эмоции иной раз заставляли судью почувствовать себя неловко, а также повернули к арестованному сердца многих зрителей в зале суда.

Как писал один из репортеров, «было очевидно, что Бейлис отнюдь не сломленный человек. Да, мы видим на его лице выражение страдания, но это не робость и не покорность! Бейлис может быть негодующим!»

Судебное разбирательство было открыто для прессы: около 150 новостных СМИ, в основном, иностранных, давали подробную сводку ежедневных событий. Многие периодические издания публиковали репортажи из зала суда на первых страницах газет.

Российское судопроизводство было высоко оценено западным миром. Во время судебного разбирательства разрешалось

вмешиваться в ход следствия и задавать вопросы в любое время, включая выступления судьи и обвиняемого. В основном строго соблюдались сами юридические процедуры. Выслушивались показания свидетелей, во время судебного процесса казалось, что **судья не оставался беспристрастным и склонялся в пользу обвинения.**

Какие задачи стояли перед обвинением?

Обвинение решало две основные задачи: 1) доказать виновность М. Бейлиса и 2) впервые в XX веке (а не в средневековом суде) подтвердить **реальность мифа о еврейских ритуальных убийствах.** Для этого следовало снять подозрения в совершении убийства с членов «банды Веры Чеберяк». Основное внимание в судебном разбирательстве состояло в том, чтобы оправдать г-жу Чеберяк. **Если завсегда таи воровского притона Веры Чеберяк, и, прежде всего, сама хозяйка, будут признаны невиновными, тогда вся тяжесть обвинения падет на Менахема Бейлиса.**

Вот почему допрос каждого свидетеля со стороны защиты превратился в настоящее судебное состязание, арену борьбы за правду тонких и умных адвокатов.

В дни допросов банды Чеберяк имя Бейлиса почти не упоминалось. Как написал один киевский журналист: «Мы должны информировать наших читателей об исключительно интересной новости: Бейлис перестает быть ответчиком».

Чем занималась защита?

Большой успех **защите принесли допросы В. Чеберяк.**

Под напором остро поставленных вопросов знаменитых адвокатов она совершенно запуталась в показаниях и, если сама не призналась в участии в убийстве, то все же **осталась под**

большим подозрением. Она утверждала, что ее сын (дети г-жи Чеберяк к моменту судебного разбирательства умерли и не могли давать показаний), рассказал ей, что он играл с Андреем Ющинским там, где выбирали и замешивали глину для кирпичной фабрики, и что Мендель Бейлис увидел их и преследовал, однако ее сыну (Жене) удалось от него убежать, а вот Андрюша попался прямо в лапы Менделя.

Госпожа Чеберяк не могла вспомнить всю паутину лжи, которую она плела от допроса к допросу, и попросила, чтобы судебный секретарь-стенографист прочитал ее предыдущие показания вслух, прежде чем она станет давать новые показания. Судья отказал ей в выполнении просьбы, и она начала отвечать на вопросы защиты, неоднократно спотыкаясь и давая противоречивые свидетельства, часто заявляя, что не может вспомнить ничего точно.

Явная ложь г-жи Чеберяк была раскрыта, когда прозвучали показания ее мужа, которого она ослепила несколько лет назад, плеснув ему в глаза кислоту: он засвидетельствовал, что его пасынок рассказал ему об инциденте с мистером Бейлисом сразу после его появления. Адвокат поинтересовался, была ли эта информация передана также г-же Чеберяк, и, если да, почему она не упомянула имя г-на Бейлиса в ее первом свидетельстве на допросе. *«Я не обратила на это никакого внимания и не придавала этому эпизоду никакого значения», – ответила она, серьезно подорвав у суда свой авторитет.*

На одиннадцатый день судебного разбирательства г-жа Чеберяк заявила, что ее сын, отправившись недавно за молоком к господину Бейлису (у него были коровы, и поэтому он продавал коровье молоко), увидел там двух странно одетых евреев, в длинных черных одеждах. Как утверждало обвинение, у Менахема Менделя находились *хасиды*, его сообщники по убийству. Однако г-жа Чеберяк не знала, что последняя корова в хозяйстве Бейлиса была продана в сентябре 1910 года; свидетели подтвердили этот факт. **Нелепо состряпанное обвинение рассыпалось.**

Обвинение проиграло и еще одно сражение. В некоторых свидетельских показаниях говорилось о том, что А. Ющинский был схвачен «тремя одетыми в черное евреями». Действительно, на территории кирпичного завода М. Зайцева была заложена хасидская синагога. На суд прибыли учившиеся за границей родственники Зайцева: Эттингер и Ландау. Они действительно приезжали в Киев, но не в то время, когда было совершено убийство мальчика.

Свидетельства нескольких «держателей свечек» еще больше подорвали претензии г-жи Чеберяк.

Их показания содержали много противоречащих друг другу версий одних и тех же событий. Судья прервал слушание их свидетельств и начал расспрашивать сам:

— *Сказали ли вам сыщики свидетельствовать против Бейлиса?*

— *Да, они дали нам водку, чтобы мы могли выпить, и научили нас сказать то-то и то-то.*

— *Почему в ваших показаниях так много изменений? Они вас готовили и тренировали?*

— *Конечно.*

— *Давали ли сыщики вам ликер, до тех пор, пока вы не напились?*

— *Да, давали, пока мы не были пьяны.*

Пока шел опрос свидетелей и подозреваемых, обвинение соперничало с защитой в чисто юридических тонкостях и элементах, а само судебное разбирательство **не выходило за рамки уголовного процесса**. В этом деле шансы обвинения и защиты были почти равными.

Однако в решающий момент обвинение совершило роковую ошибку.

Не добившись преимущества в деле Веры Чеберяк, оно бросило все

силы на то, чтобы любыми способами доказать ритуальный характер убийства подростка Андрюши Ющинского. Главными орудиями **обвинения** стали экспертизы, проведенные учеными специалистами, обладавшими большим авторитетом в науке, профессорами Д. Косоротовым и И. Сикорским. Им противостоял авторитет приглашенных защитой также известных специалистов: В. Бехтерева и Е. Павлова.

Суть разногласий между учеными сводилась к чисто медицинской стороне.

Д. Косоротов и И. Сикорский убеждали присяжных в том, что кровь с помощью искусно наносимых ударов **источалась из тела, пока мальчик был еще жив**, ибо именно «живая» кровь, якобы, требовалась для изготовления пасхальной мацы.

Напротив, В. Бехтерев убедительно доказывал: удары наносились с единственной целью – убить А. Ющинского, а потеря крови произошла уже в момент агонии и позже вследствие множественности ран.

Таким образом, обвинение в ритуальном нанесении ударов не получило должной поддержки.

Еще более сложной оказалась для обвинения богословская экспертиза. В качестве эксперта был приглашен не православный богослов, которых в России было немало, и среди них ученые с мировыми именами, а никому не известный **католический священник И. Пранайтис** (его выписали из Туркестана, возможно, потому, что руководство православной церковью не желало участвовать в судебном разбирательстве). И. Пранайтис обрушил на головы присяжных множество цитат из Талмуда, Книги *Зоѓар* и кодекса законов *Шулхан арух*, все его т.н. «цитаты» доказывали ненависть иудеев к христианам и существование ритуальных убийств. Ксендз извлек «из этих книг» душераздирающие подробности совершения ритуальных убийств. Правда, эти подробности подозрительно совпадали с деталями убийства А. Ющинского, но расходились с описаниями будто бы ранее

совершенных «жертвоприношений».

В ответ на речь ксендза Пранайтиса выступили профессора высших православных учебных заведений, которые убедительно и просто продемонстрировали всем присутствующим **абсолютное незнание оппонентом первоисточников: католический священник не владел древнееврейским языком, а все свои доводы черпал из антисемитских сочинений.**

Профессор И. Г. Троицкий отметил, что «Талмудом категорически воспрещается употребление человеческой крови». Отношение Талмуда к людям иной веры не представляет ничего враждебного; если иноплеменники не угрожают основе религии еврейства, в противном случае, они осуждаются». Из чтения стенограмм судебного разбирательства становилось ясно: **свидетель со стороны обвинения, ксендз Пранайтис, провалился, он не выдержал допроса защиты и предпочел вообще не отвечать на ее вопросы.**

Когда г-н В. Голубев, доморощенный сыщик, который изначально сфабриковал клеветническое обвинение на пролитии ритуальной крови, был призван дать показания, он страстно заявил, что г-н Бейлис пришел из целой плеяды праведных людей, *цадиким*. Он имел в виду династию *Хабад*, третьим лидером которой был раввин **Менахем Мендель** Шнеерсон. Г-н Бейлис не только имел выдающуюся родословную, как утверждал г-н Голубев, но он сам был *цадиком*. Услышав такой неожиданный комплимент из уст создателя «кровавого навета», обвиняемый в ритуальном убийстве Бейлис открыто рассмеялся.

Анализ улик против М. Бейлиса

Важнейшим выступлением на процессе была речь В. Маклакова, он посвятил ее скрупулезному анализу улик против М. Бейлиса, представленных обвинением. Он не только показал никчемность обвинения, но и убедительно доказал: **интерпретация улик**

полностью зависела от антисемитских убеждений противной стороны.

Резюмируя доводы, Маклаков сказал: **«Бойтесь гнева ненависти. Ненавистники не могут быть судьями».**

Он открыто издевался над душераздирающим рассказом о том, как Бейлис на глазах свидетелей схватил христианского мальчика и куда-то потащил. И это в Киеве, в начале века. *«Неужели Вы не понимаете, что если бы на Лукьяновке кто-нибудь знал и кто-нибудь верил, что Бейлис схватил христианского мальчика и повлек его в пещеру, то, когда бы мы приехали на место преступления вместе с Бейлисом, его пришлось бы охранять ротой солдат... Через час вся Лукьяновка была бы на заводе Зайцева, и Бейлиса не пришлось бы теперь судить. Завод Зайцева был бы разгромлен раньше, чем подоспела власть».*

Особенно досталось от В. Маклакова прокурору О. Випперу за внесение в протокол цитат из сочинений Неофита, страстного разоблачителя «тайн иудейских». **То, что О. Виппер выдал за научные сочинения, В. Маклаков назвал «полусумасшедшим бредом».**

Заканчивая свое выступление и обращаясь только к присяжным заседателям, В. А. Маклаков сказал: «Осуждение невинного Бейлиса, быть может, на время кое-кому доставит удовольствие. Но когда поймут, что не вина Бейлиса заставила вас его погубить, что Бейлис невинен, ваш приговор не забудется никогда. И вот почему все мы, кто служит делу русского правосудия, все мы, граждане одной России, мы все должны просить вас об одном: **берегитесь осудить невинного. Если вы это сделаете, то это будет жестоко для Бейлиса, это будет грехом вашей совести, но это не все. Это будет позором для русского правосудия, и этот позор не забудется никогда».**

По окончании исчерпывающего судебного разбирательства судья спросил г-на Бейлиса, есть ли у него какое-либо последнее, заключительное слово для защиты.

«Я мог бы сказать многое для моей защиты, – заявил он, – но я устал, и у меня нет сил. Вы можете видеть, что я невиновен, **и я прошу оправдать меня, чтобы я мог увидеть моих бедных детей, которые ждали меня в течение двух с половиной лет** ». Заповедное желание преступника – увидеть детей, с которыми он был разлучен **в течение двух с половиной лет**. Наверное, такое «последнее слово обвиняемого в убийстве» не нуждается ни в каких комментариях.

Присяжные выносят приговор

На 34-й день процесса перед присяжными заседателями наконец-то были поставлены два вопроса:

1) *Доказано ли, что 12-го марта 1911 г., в Киеве, на Лукьяновке ... в одном из зданий кирпичного завода, находящегося в заведовании купца Марка Ионова Зайцева, тринадцатилетнему мальчику Андрею Ющинскому при зажатом рте были нанесены колющим орудием раны, давшие вследствие этого обильное кровотечение и повлекшие за собою почти полное обескровление тела и смерть его».*

2) *Если событие, описанное в первом вопросе, доказано, то виновен ли подсудимый в том, что, заранее задумав и согласившись с другими, не обнаруженными следствием лицами, из побуждений религиозного изуверства лишил жизни мальчика Андрея Ющинского...»*

Совещание присяжных заседателей продолжалось полтора часа. Перед зданием суда стояла толпа в ожидании приговора. Несколько десятков корреспондентов, освещавших процесс, готовы были сорваться с места для того, чтобы первыми сообщить в свои редакции о решении суда, которого, затаив дыхание, ожидала вся

мыслящая Россия.

Наконец появились присяжные, и старшина огласил вердикт. На первый вопрос — о доказанности совершения самого преступления на территории завода Зайцева — они ответили:

— *Да, доказано.*

На второй вопрос — виновен ли в совершенном преступлении М. Бейлис, — последовал ответ:

— *Нет, не виновен.*

В зале суда раздался вздох облегчения, сопровождаемый слезами счастья и радостными объятиями присутствующих в зале суда.

Признанный невиновным, Бейлис плакал открыто.

Пока в течение часа и двадцати минут шло заседание присяжных поверенных, г-н Бейлис о многом передумал. Но вот они вышли, он посмотрел на их мрачные лица и решил, что такое хладнокровие указывает на обвинительный характер приговора. И все-таки он утешал себя мыслью, что весь мир наблюдает за зрелищем судебного процесса и что правда все равно будет открыта.

«Это дало мне мужество, которое было необходимо, чтобы продержаться до конца», — писал он.

После вердикта присяжного комитета — тут же, в зале суда — М. Бейлис был освобожден из-под стражи.

«Вы свободный человек», — сказал ему судья. «Вы можете занять свое место в зале, среди родных».

Незаметный героизм

Героизм и жертвенность г-на Бейлиса продолжались на протяжении всего его тюремного заключения. В конце первого года его пребывания в тюрьме, ему сообщили, что он скоро будет

свободен. «На каком основании?» – спросил г-н Бейлис. Ему ответили следующее:

«Скоро будет отмечаться трехсотлетие царствования династии Романовых.

Будет манифест и помилование всем осужденным».

Менахем Бейлис заявил, что он не уйдет из тюрьмы, даже если ему будет приказано это сделать. «Даже если вы угрожаете мне расстрелом, я не уйду без суда. Я достаточно силен, чтобы дождаться судебного процесса, и буду в тюрьме до тех пор», – сказал он. В другой раз тюремный охранник посоветовал ему, что если он только признается в «правде», в том, что он убил мальчика, ему будет дано все, что он хочет, и, более того, он получит разрешение покинуть Россию.

Заклученный быстро ответил:

—Вы правы, – сказал г-н Бейлис. – Мир жаждет услышать правду.

Истинная правда появится во время судебного разбирательства».

Хотя религиозное образование Менахема-Менделя было прервано, когда его призвали в армию, он писал: «Я все еще помнил некоторые слова и фразы из моих уроков в хедере, и слова из Пиркей Авот, такие, как Эйзе Ёу гибор? **«Кто герой? Тот, кто владеет своими страстями»** (4:1).

*(Кто есть истинный герой? Кто могущественный? **Это тот, кто побеждает свои слабости!** Кто умеет преодолеть злые склонности»).* Этот стих постоянно стоял перед моими глазами, особенно тогда, когда у меня возникла мысль о самоубийстве. Я должен был быть героем и сдерживать свои слабости, и жить».

Жизнь в тюрьме была полна несчастий. Менахем Бейлис жаждал слышать голоса его жены и детей; разлука с ними была нестерпимой! Он изначально чувствовал себя совершенно одиноким и брошенным на произвол судьбы. Его мучили мысли о будущем. «Когда закончатся мои несчастья?» – писал он. Однажды Менахем Бейлис был госпитализирован: он подхватил инфекцию, вдобавок, у него опухли и болели ноги от постоянного пребывания без обуви на холодном цементном полу тюрьмы. Тюремный врач лечил его ноги без всякой анестезии и напоследок сказал ему: *«Ну, Бейлис, теперь вы сами прочувствовали и испытали на себе, что такое резать по живому».*

Через восемь месяцев тюремного заключения ему было предъявлено обвинение, и только после этого он получил разрешение на встречу с адвокатами. Узнав, что его будет защищать несколько успешных российских юристов, он начал смотреть в будущее с оптимизмом и надеждой на то, что его могут освободить. Вскоре он узнал от сокамерника, у которого была встреча с официальными лицами, что дело против Бейлиса оказалось слабым и шатким. «Они ищут вчерашний снег», – сказал ему сокамерник.

По итогам приговора радикальные группы отметили не только торжество справедливости и освобождение Бейлиса, но и двусмысленность вердикта, который давал **законную легитимность** кровавому навету. Вряд ли можно было ждать от этого процесса не только оправдания Бейлиса, но и полного, утвержденного судом опровержения самого «кровавого навета». Слишком сильны были вековые российские предрассудки. Да и самого Бейлиса спасли и тогдашние настроения в общественном сознании, и его собственное упорство, и блестящая работа защиты: как адвокатов, так и привлеченных ими экспертов. История «кровавого навета» нанесла непоправимый ущерб «государственным основам».

«Дело Бейлиса» навсегда стало именем нарицательным.

Благодарное сердце

Историки объяснили оправдание Бейлиса поддержкой многих людей, евреев и не евреев, которые пришли на его защиту во время судебного разбирательства.

Сам Менахем Бейлис выразил особую благодарность адвокатам, которые не побоялись встать на защиту обвиняемого еврея. «Это был с их стороны настоящий героизм, настоящая жертва», – писал он. «Они знали, что, защищая меня, они рискуют карьерой; да и жизнь их не была бы безопасной. Но они оставались упорными в своей защите, потому что знали, что я невиновен.

За два месяца до своей смерти в 1934 году г-н Бейлис написал своему адвокату:

«Я никогда не забуду вас. В вашей работе Вы страдали так же, как и я, и Ваша гордость и мужество придавали мне силы. Я очень хорошо помню, когда Вы, мой дорогой друг, пришли ко мне, когда я был в тюрьме в Лукьяновке. Когда я впервые увидел Вас, я сразу успокоился. Я счастлив. Всевышний разрешил мне жить, и я могу написать Вам. Я не прожил ни одного дня, не вспоминая о Вас.

Отец Александр Глаголев, киевский профессор и авторитет по еврейской религии, также защищал подсудимого Бейлиса. Когда его спросили, есть ли еврейский ритуал, позволяющий взять кровь юноши, мальчика для религиозной практики, он полностью отрицал это, отметив, что еврейский закон однозначно запрещает даже проглатывание крови, и что эта практика не упоминается ни в каких еврейских текстах. «Это противоречит принципам иудаизма, древнего и современного», – сказал он.

Слава без фортуны

В первую ночь после оправдания г-н Бейлис не мог спать. «Это была моя первая ночь свободы. Кто мог спать в такую ночь? Кто мог бы тратить такие драгоценные мгновения на сон?» - писал он. На следующее утро тысячи людей собрались вокруг его дома. Все пришли поздравить его. Г-н Бейлис хотел вернуться к обычной, нормальной жизни, но не мог: он стал знаменитостью. Когда люди продолжали стекаться к его дому и поздравлять его, он решил ненадолго лечь в больницу, чтобы восстановить силы после тюремного заключения, но толпы восторженной публики нашли его и там. Менахем-Мендель сдался и вернулся домой.

Его сбережения заканчивались, нужно было искать работу. Но изначально он решил остаться в Киеве, чтобы доказать черносотенцам, что они не могут заставить его струсить и сбежать из города.

Позже Бейлис переехал в Страну Израиля, где был очень счастлив. Однако с началом Первой мировой войны он был вынужден уехать в США, ибо Палестина стала небезопасной. Бейлисы поселились в Нью-Йорке, где им была предоставлена □ квартира без арендной платы в Бронксе. Бейлис начал работать страховым агентом и, в конце концов, написал и опубликовал свои мемуары.

Спустя двадцать лет после его освобождения он дал интервью еврейскому ежедневному изданию: «Я все еще живу. Это чувство радости жизни никогда не покидает меня. Проснусь — и я думаю об этом, и ночью мой сон беспокоит это чувство. Кажется, что только вчера закончился чудовищный кошмар, и я снова стал свободным человеком».

Он не был богатым человеком и отказался от предложений денег,

которые поступали со всего мира. Один банкир предложил ему большую зарплату только для того, чтобы Бейлис сидел в его банке несколько часов в течение дня, но г-н Бейлис ответил, что не будет использовать пережитую им трагедию для личной выгоды.

«Все эти предложения предполагали, что я стану афишировать еврейскую жертву жестокого и несправедливого преследования», – сказал он репортеру. «Поэтому я отказался. И сегодня я тоже откажусь. Даже сейчас меня иногда зовут к себе те, кто хотел бы использовать мою судьбу и мое имя».

Г-н Бейлис никогда не наслаждался своей жизнью в Нью-Йорке, заявив, что американский темп для него слишком стремителен, и он предпочитает жить в Палестине. Возможно, самым большим его удовлетворением было падение власти, которая его преследовала. «Я жил, чтобы увидеть, как гнилой царский режим рушится», – сказал он. «Я жил, чтобы рассказать всю историю и увидеть чудо освобождения».

Мендель Бейлис скончался 7 июля 1934 года (Таммуз 24, 5694).

В заключение нельзя не отметить, что тень «кровавого навета», отступив на десятилетия, не ушла окончательно из массового сознания. Мифом о ритуальном убийстве время от времени пользуется власть, он всплывает в периоды экстремальных ситуаций, в обстановке религиозной и социальной истерии. Новейшая история тоже не избежала явления «кровавого навета». Основные его аспекты были использованы в 1952-1953 гг. для «дела врачей». Воскрешают память о былом и современные черносотенцы, члены многочисленных радикальных националистических и фашистских партий и организаций. В издательствах вновь отпечатана часть антисемитской литературы начала века, в том числе и непосредственно касающиеся

«кровавого навета» книги одного из обвинителей в «деле Бейлиса» Г. Замысловского «Замученные от жидов» и «Жертвы Израиля».

Миф о ритуальном убийстве всплыл при новом расследовании истории уничтожения царской семьи в Екатеринбурге, где отцы православной церкви поставили перед следствием среди прочих и вопрос о признании или не признании этого преступления ритуальным убийством.

Кровавый завет живуч и бессмертен.